

Формы женской аддиктивной зависимости в постмодернистской культуре

Ц.П. Короленко, Т.А. Шпикс

ГОУ ВПО Новосибирский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации

Резюме. Дается характеристика переходного периода от традиционного к модернистскому и постмодернистскому обществу. Описывается феномен «постмодернистской личности». Анализируется роль социокультурных изменений в обществе в контексте формирования гендерной идентичности. Подчеркивается, что разрушение четких ролевых функций мужчин и женщин и изменение роли женщины в постсовременном обществе влияют на возникновение аттачмента к аддиктивным агентам у женщин. Анализируются 90 пациенток с химическими аддикциями и аддикцией отношений. Описываются общие механизмы формирования и развития, характерные для всех видов аддиктивных расстройств. Выделяется значение вытесненных в бессознательное деструктивных self-объектных отношений, которые провоцируют бессознательную тревогу, депрессию. Рассматривается значение проблем семьи постмодернистского общества: сверхзанятость, отсутствие времени, что приводит к недостаточной вовлеченности родителей в систему отношений с ребенком — будущим аддиктом.

Ключевые слова: постмодернистское общество, гендерная идентичность, химические аддикции, аддикция отношений, self-объектные отношения, аддиктивные механизмы.

Forms of the women's addictive dependence in the postmodern culture

C.P. Korolenko, T.A. Shpiks

Novosibirsk State Medical University of the Ministry of Health and Social Development

Summary. Transitional period from the traditional culture to the modern and postmodern culture in Russia is described simultaneously with the revealing of the phenomenon of the postmodern personality. The loss of the previous clear gender attributes in the males and the females and its influence on the change of the role of the woman in the postmodern society is analyzed in the context of the attachment formation to the addictive agents. 90 women with chemical and relational (process) addictions were observed. The common psychological mechanisms of the formation and the development of the all studied forms of the addictive disorders were established and described. Authors emphasize the role of the repressed in the unconsciousness destructive self-object relationships which provoke in the patients the development of the symptoms of emotional disturbances, mainly in the form of the anxiety and depression. The specific problems typical for the postmodern family as “no time” phenomenon, over-stimulation, general fluidity and their impact on the early infant-parent relationships are analyzed.

Key words: postmodern society, gender identity, chemical and process addictions, self-object relationships, addictive mechanisms.

В последние три десятилетия в ряде стран с развитой капиталистической системой наблюдалось бурное ускорение общественных, экономических и технологических процессов, которое способствовало возникновению переходного периода к постмодернистскому обществу. Этот процесс имеет место и в России. Постмодернистская культура в современной России получает наибольшее развитие в крупных городах, метрополиях, зонах интенсивного промышленного роста [2, 10].

Переходные периоды общественного развития всегда являются источниками стресса. Если в спокойном периоде мы пользуемся категориями стабильности, возможности планирования, расчета и предвидения, то переходный период, который Н. Кеурр [8] называет «горячей» фазой этапа развития, характеризуется тем, что «традиционные основы повседневной жизни разрушаются, определенные ожидания не согласуются друг с другом, правила и условности оказываются не востребо-

ванными». Неуверенность и нервозность охватывает как общество в целом, так и отдельных его членов.

Важными чертами, характерными для переходного периода в обществе, являются индивидуализация и плюрализация форм жизни.

Индивидуализация (от лат. *individuum* — «неделимое») — процесс порождения и рефлексии человеком собственного опыта, в котором он признает себя в качестве субъекта, свободно определяющего и реализующего собственные цели, добровольно возлагающего на себя ответственность за результаты своей целенаправленной деятельности.

У. Бекк [3] выдвинул тезис «толчка индивидуализации», который произошел в связи с вышеупомянутым переходным периодом в обществе. У. Бекк назвал новое общество «обществом риска». «На фоне сравнительно высоких материальных жизненных стандартов, далеко продвинутых социальных гарантий люди в историческом разломе континуума оказываются выброшенными из

традиционных классовых условий и гарантированных доходов семьи, усиливается опора только на самих себя, с индивидуальной судьбой на рынке труда с его шансами, рисками и противоречиями».

Индивидуализация, как одна из важных характерных черт постмодернистского общества, касается не только отдельного человека, но и семьи; как раз самые важные изменения происходят в приватной жизни: в сфере сексуальности, брака и семьи.

В последние десятилетия в обществе имеет место ярко выраженная тенденция перехода от многопоколенной семьи к семье с двухпоколенной основой, от семьи с большим количеством детей к семье с одним ребенком или вовсе без детей, от относительно прочной семьи на всю жизнь к временным отношениям, от полной семьи к Patchwork-семье.

Социокультурные изменения в обществе А. Honneth [5] связывает с понятием «постмодернистская личность». Эти изменения приводят к интрапсихической плюрализации субъектов, потере единства, к фрагментарному и децентрированному формированию идентичности, для которой Н. Кеурр [7] предложил термин Patchwork-идентичность (от англ. *patchwork* — «ковёр, ткать»). Patchwork-идентичность не должна представляться патологической, «субъект акцентирован на самом себе... при наличии своей фрагментарности, противоречивости» на фоне нарастающей плюрализации форм общественной жизни.

Е. Gellner [4] описал человека постмодернистской культуры как «модульного». Автор прибегает к метафоре из мебельной индустрии, где развитие новых образцов все больше приходит к модульной системе сборки, когда любая часть может легко встраиваться и заменяться. Модульный человек со своей «ИКЕА-идентичностью» теряет стабильный характер и становится личностью с мобильными, легко заменяемыми качествами, личностью, которая хорошо функционирует в современном флюидном обществе.

В современной научной литературе чаще, чем полоролевая идентичность, используется термин гендерная идентичность, подчеркивающий социальный аспект в различии между мужчинами и женщинами. «Когда говорят о различии между особями женского и мужского пола, то имеется в виду их биологическое различие. Когда говорят о гендере, то исходят из определенных социокультурных дефиниций понятий женщины и мужчины и предполагают изначально установленное различие их социального положения» [6].

В процессе формирования гендерной идентичности в традиционном обществе имела место четкая ориентация мальчиков на маскулинную модель, содержанием которой являлись сила, власть, доминирование, выполнение функции главы семьи, ее кормильца и защитника. Содержанием фемининной модели для девочек являлись мягкость, подчиняемость, эмоциональность, выполнение в семье роли матери и домохозяйки.

В переходном периоде к модернистскому и постмодернистскому обществу происходит разрушение многочисленных традиционных образцов регулирования отношений мужчин и женщин; на

смену традиционной семье, предусматривающей наличие обоих родителей и детей, приходят новые разнообразные формы семейной жизни, с отсутствием одного из родителей, появлением нового партнера противоположного или того же пола и другие варианты. Подобная ситуация приводит к затруднению процесса формирования четкой гендерной идентичности.

Корни этих затруднений уходят в ранний период развития, когда дети обоих полов не видят четких моделей мужественности и женственности на примере своих родителей. Это связано со многими факторами. Остается значимым фактор преимущественного воспитания детей матерью. Мальчики неизбежно идентифицируют себя, так же как и девочки, с матерью, усваивая ее стиль поведения, эмоциональное реагирование, жизненную ритмику в целом, что приводит к ослаблению биологической маскулинной идентичности. Часто отсутствующий отец сравнительно меньше влияет на гендерную идентичность, несмотря на идентификацию с ним, характерную для эдипального периода. Кроме того, как указывает J. Ross [11], общая маскулинная идентификация в настоящее время также ослаблена. Мужественный, так называемый «Marlboro-тип» потерял свою привлекательность, и мужчины предпочитают демонстрировать для окружающих ряд черт, традиционно считающихся женственными: мягкость, склонность к взаимопониманию, социальную активность, эмоциональность.

Гендерная идентификация девочек как исключительно женская также затруднена в связи с тем, что профессионально задействованная мать проявляет ряд до сих пор считающихся в обществе мужскими черт: принятие решений, самостоятельность, стремление к доминированию в социальных отношениях.

Став взрослыми, женщины вновь сталкиваются с проблемой изменений гендерной идентичности. Изменения в обществе, выражающиеся в плюрализации форм жизни, формировании новой социальной структуры общества, переоценке ценностей, в изменении приоритетов в пользу работы и карьеры, приводят к новому восприятию женщинами собственной гендерной идентичности.

В профессиональной сфере женщины все больше осваивают профессии, которые считались традиционно мужскими. Уже никого не удивляет женщина-водитель такси или женщина-сотрудник полиции. Современные женщины все чаще занимают руководящие позиции и ставят карьеру в центр своей деятельности. Четкие ролевые картины мужчины и женщины давно разрушились, и мы лучше представляем реальность, когда исходим из того, что во всех людях присутствуют как женские, так и мужские элементы. Имеются атрибуты, которые мы скорее характеризуем как «женские», которые именно в современной инновационной экономике играют важнейшую роль. К этим атрибутам можно отнести: выраженную у женщин готовность к кооперированию, коммуникативные умения, наличие эмпатии. Важным качеством женщины является способность выполнять множество ролей: партнерши, возлюбленной, подруги, матери, работницы, руководителя; причем все больше женщин ставят на первое место в своей жизни работу. Идеальный

образ современной женщины, который можно увидеть в героинях популярных сериалов и ведущих телевизионных программ, — независимая, уверенная в себе, успешная бизнес-леди.

Тем не менее, несмотря на то что муж, дети и домашнее хозяйство не являются, как прежде, единственной сферой занятости женщины в обществе, ситуация с женщиной, сделавшей карьеру при отсутствии семьи, также не приветствуется в обществе. Существует мнение, что «не иметь мужа не престижно». Таким образом, чтобы соответствовать идеальному имиджу современной женщины, желательно сделать успешную карьеру и оставаться одновременно заботливой матерью, хорошей женой и хозяйкой дома. В реальной жизни это вряд ли многим удастся. Тем более, что высокая конкуренция на рынке труда, необходимость постоянного совершенствования себя в профессии требуют большой и постоянной включенности в работу.

Таким образом, для идентичности женщины в современном обществе характерна сглаженность жесткой дифференциации между мужским и женским поведением, что проявляется в овладении мужскими профессиями, асертивности поведения, поглощенности профессиональной деятельностью, в изменении стереотипов функционирования в домашней обстановке.

Будучи раздираемой противоречивыми и несовместимыми установками, женщина постсовременного мира оказывается в крайне трудной психологической ситуации. С одной стороны, она должна соответствовать требованиям, выдвигаемым постсовременным обществом: быть конкурентоспособной, уметь приспосабливаться к быстро изменяющимся условиям в ее профессиональной жизни, усваивать новые навыки, справляться с нарастающим информационным потоком, быть коммуникабельной, активной в социальных ситуациях, мобильной, поддерживать на высоком уровне свой профессиональный и социальный престиж. С другой стороны, она должна сохранять свои традиционные женственные качества: обладать эмпатией, выступать в роли жены, матери, воспитывать детей, проявлять мягкость, иметь чувство сопереживания, способность к интимности, быть интуитивной и творчески продуктивной. Стремление соответствовать такому идеальному образу на бессознательном и частично осознаваемом уровнях присутствует в психике многих постсовременных женщин.

Однако в реальности достижение такого идеала находится вне границ возможного, что является источником неудовлетворенности собой, постоянного психического напряжения. В социальных контактах это проявляется раздражительностью, нарушением концентрации внимания, дисфорией, нарушением ролевого поведения и соответствия идеальному образу.

Формируются отрицательные эмоциональные нарушения с тенденцией к длительному течению. К ним относятся вырастающие из психологического дискомфорта депрессивные состояния, свободно плавающая тревога, ипохондрические разлития. Сформировавшееся психическое состояние в целом крайне дискомфортно, что обуславливает стремление любым путем от него избавиться. Эти

условия являются идеальными для возникновения аттачмента по отношению к воздействиям, элиминирующим или изменяющим это психическое состояние. Такие воздействия часто включают стимулы, обладающие способностью приводить к формированию аддиктивного процесса. Фиксация (аттачмент) прежде всего может возникнуть по отношению к потенциально аддиктивным агентам, таким как алкоголь, еда, шопинг, интернет. Возможен также вариант, когда аддиктивным стимулом становится сама профессиональная деятельность, работа как таковая в широком смысле. В случаях отсутствия ожидаемого профессионального успеха и невозможности реализации себя в традиционных женских ролях ситуация может приобрести чрезвычайно драматический характер. Развиваются экзистенциальные депрессивные состояния и/или синдром эмоционального выгорания.

Нами обследованы 90 женщин в возрасте от 20 до 55 лет. У обследованных женщин выявлялись химические аддикции, связанные с использованием в качестве аддиктивных агентов различных веществ, изменяющих психическое состояние. У женщин обнаруживалась также аддикция отношения, которая в одних случаях выступала в сочетании с алкогольной зависимостью, в других проявлялась как самостоятельная аддикция.

Женщины, страдающие алкоголизмом, представляют собой весьма разнородную группу, в которой факторы, влияющие на возникновение и механизмы, поддерживающие болезненный процесс, зависят от социального положения, профессии, уровня образования, материальной обеспеченности, возраста, личностных особенностей. Мы выделили группу из 64 женщин с высшим образованием, средним и высоким уровнем дохода, 8 из обследованных — домохозяйки, остальные — работающие (врачи, преподаватели вузов и колледжей, работники финансовых учреждений, социальной сферы, представители богемных профессий, женщины, имеющие свой бизнес). Все женщины имели психологическую зависимость от алкоголя. 28 женщин обнаруживали признаки эта-формы и 36 — альфа-формы алкогольной аддикции по классификации С. Korolenko, А. Dikovskiy [9]. У 18 женщин наблюдалось сочетание употребления алкоголя с лекарственными препаратами, оказывающими психотропное действие (транквилизаторы, снотворные, антидепрессанты, стимуляторы).

Известную роль в увеличении потребления алкоголя женщинами играет изменение их положения в обществе. Эмансипация способствовала принятию женщинами форм поведения, которые считались традиционно мужскими, что относилось и к употреблению алкоголя. Традиционное общество осуждало женщин, употребляющих алкоголь, в то время как выпивки мужчин в компании по праздникам воспринимались скорее позитивно. Нередко «настоящим парнем» считался тот, кто легко переносил большие дозы алкоголя, а «слабость» идентифицировалась с тем, кто мало пьет или совсем не пьет. В современном обществе у эмансипированных, материально независимых, особенно имеющих собственный бизнес, женщин употребление алкоголя не осуждается и

зачастую растет вместе с их доходом. Обследованные нами работающие женщины говорили, что все женщины их круга не отказывались от рюмки высокоградусного алкоголя (коньяк, виски, водка) в конце рабочего дня и от возможности посидеть в компании коллег за бутылкой коньяка или дорогого вина в конце недели. Эти женщины имели эта-форму алкогольной зависимости, для которой характерно употребление алкоголя только в компании, в ситуации социального общения.

Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева [1] предложили отнести эту форму аддикции к смешанной (процессуальной/химической), так как в ней присутствуют одновременно аддикция отношений и алкогольная аддикция. Аддикция отношений проявляется в стремлении проводить время в компаниях. Отношения реализуются в группе приятных друг для друга людей, которым нравится проводить время вместе. В рамках этих общих интересов формируется сообщество, собирающееся в фиксированных местах для совместного межличностного общения. Такой способ проведения времени постепенно становится очень важным в жизни и предпочитается всем другим видам активности, связанным с отдыхом, релаксацией или, наоборот, с выбросом физической энергии. Межличностные контакты предполагают разговоры, обмен информацией, представляющий взаимный интерес. Психологическая обстановка очень располагающая и стимулирует к повторным встречам.

Алкогольная часть хотя не акцентируется, но является обязательной, так как алкоголь, в силу своего эйфоризирующего, транквилизирующего и растормаживающего эффектов, способствует облегчению взаимодействия членов группы, снимает запреты, позволяет продемонстрировать свои способности, реализовать подавленные желания (в том числе сексуальные фантазии).

Четыре женщины из группы с эта-формой алкогольной аддикции, наряду с употреблением алкоголя, принимали психотропные препараты со стимулирующим действием. Препараты принимались как вместе с алкоголем, так и в больших дозах отдельно от приема алкоголя. В ситуациях, когда употребление алкоголя или стимуляторов оказывалось невозможным, женщины пили многократно в течение дня очень крепкий кофе «эспрессо».

Употребление алкоголя и стимуляторов женщины оправдывали необходимостью быть всегда энергичными, чтобы соответствовать темпу современной жизни. Портрет современной супер-женщины, которому большинство обследованных женщин хотели соответствовать, рисовался ими следующим образом: привлекательная, ухоженная, успешная, всегда в центре внимания, никогда не устает, всегда в хорошем настроении, мать, жена, бизнес-леди. Такой идеал является причиной постоянной перегрузки женщины, и тогда алкоголь и таблетки оказываются единственным средством, позволяющим ей оставаться работоспособной.

В группе женщин с альфа-формой алкогольной аддикции (36 человек) употребление алкоголя имело целью смягчить эмоциональное напряжение, избавиться от неприятных переживаний, повысить настроение, отвлечься от конфликтных ситуаций, не думать о решении трудной проблемы.

Кроме того что современная женщина должна быть успешной на работе, с нее никто не снимает обязанности жены, матери, домохозяйки. Ситуация, когда женщина должна постоянно «держаться шпагат» между домом и работой, приводит к состоянию ежедневного стресса. Желание получить отпуск и остаться одной реализовалось только в снах и в мечтах. Поэтому женщины жаловались на усталость, нарушение сна, беспокойные мысли, страх, что они не справятся с работой и будут уволены или окажутся плохими женами, и мужа оставят их.

Семь женщин из представленной группы, чьи профессии были связаны с необходимостью тесных социальных контактов с людьми (врачи, педагоги, социальные работники), проявляли признаки синдрома эмоционального выгорания. Они жаловались на чувство эмоциональной истощенности и усталости, снижение настроения, безосновательные страхи, их пугало появление безразличного или даже циничного отношения к окружающим и к своим профессиональным обязанностям, возникали подозрительность, агрессия к коллегам, что приводило к конфликтам.

В 8 случаях обследованные женщины после рождения детей оставили работу и решили посвятить себя семье, став домохозяйками. Однако и в этой ситуации женщины не чувствовали себя счастливыми. Домашняя работа занимала у них все время, но никто из окружающих не видел этой работы и не был благодарен, а женщины чувствовали, что они не могут реализовать себя, проявить свои таланты и способности в сложившейся ситуации, ощущали себя в состоянии изоляции, оторванности от мира. Одна из обследованных так описывала свои переживания: «Никто не замечает моей работы, а часто и меня саму. Мне иногда кажется, что все думают, будто в доме живет волшебник и все делается по волшебству. Само собой разумеется, что все идет по заведенному порядку и нет никаких сбоев, в шкафу все вещи чистые и лежат в строгом порядке, на столе вовремя появляются завтрак, обед и ужин. В будние дни я всегда готова проводить детей в школу и встретить их, а в выходные дни пойти с ними в кино или в зоопарк. У меня нет ничего моего. Мое время, я сама — все только служит потребностям членов моей семьи». То есть и в случаях, когда современная женщина не может или не желает реализовать себя в профессии и пытается возвратиться к своей традиционной женской роли, это возвращение не гарантирует ей покой и удовлетворенность.

Таким образом, ситуации, в которых находились все женщины с альфа-формой алкогольной зависимости, вызывали у них состояние депрессии, напряжения, усталость, нарушение сна, тревогу, страхи, которые они снимали употреблением алкоголя или (в 4 случаях) приемом лекарственных препаратов: антидепрессантов, транквилизаторов, снотворных. Женщины употребляли алкоголь и препараты в комбинации (коктейле) или попеременно. При этом делали они это в тайне от окружающих.

Человек живет и умирает в отношениях. Современный анализ объектных отношений, в отличие от классического психоанализа, считает мотивацию к установлению отношений одним из важных драйвов в психике. Очевидно, эта особенность имеет глубокие филогенетические пред-

посылки и заложена в генетике человека в качестве наследуемого признака. Предуготованность к установлению отношений обуславливает в психобиологически нормальных условиях эмоциональную фиксацию (аттачмент) на отношениях с человеком, осуществляющим заботу, которым обычно является мать в начальном периоде жизни.

Формирование идентичности центрируется вокруг интроецированных и интернализированных в психике self-объектных отношений. Объектом этих отношений являются обычно родители, другие члены ядерной семьи, а также родственники, друзья, знакомые, учителя, сверстники и др. В нормальных условиях положительные эмоционально окрашенные self-объектные отношения преобладают над отрицательно окрашенными, что способствует формированию когезивной идентичности. Тем не менее идеальных вариантов в реальной жизни не существует. Не все self-объектные отношения в детстве сопровождаются позитивными эмоциональными реакциями, вызывают чувство удовольствия и радости. Ребенок неизбежно встречается с ситуациями, когда его желания не удовлетворяются, когда его наказывают, унижают или просто отвергают. Отрицательные self-объектные отношения особенно характерны для дисфункциональных семей, семей, в которых происходит насилие над ребенком. И даже в формально благополучных семьях могут фигурировать эмоционально недоступный, страдающий алкоголизмом отец, дистантная, холодная мать, а в школе — предъявляющий непомерные требования учитель и др.

Отрицательные self-объектные отношения интроецируются в психику, усваиваются ею и в результате психологической защиты вытесняются в бессознательную сферу или же остаются в пресознании. Интернализированные в психике и репрессированные в бессознании отрицательные self-объектные отношения, хотя они и не осознаются, оказывают влияние на психическое состояние, приводя к возникновению «беспричинного» плохого настроения, психоземotionalного напряжения. Особое значение в этом процессе играет влияние факторов дистанцирования родителей от ребенка, эмоционального и/или физического покидания ими ребенка.

Дети по-разному оценивают подобные ситуации. В случаях, если они носят хронический повторяющийся характер, обычно они обвиняют себя в родительском невнимании, считая, что их собственные недостатки объясняют это невнимание. В результате формируется комплекс низкой самооценки, невозможности быть интересной для кого-либо, формируется страх одиночества с невозможностью надеяться на установление сколько-нибудь прочных отношений с другими людьми.

В качестве выхода из создавшейся ситуации выстраивается модель формирования отношений, основанных на осуществлении заботы о людях, остро нуждающихся в ней, то есть о лицах, лишенных самостоятельности, нуждающихся в постоянной помощи, опеке, решении за них многочисленных жизненных проблем. К категории таких лиц относятся лица с аддиктивными проблемами. Формирование отношений с ними строится на модели: он/она никогда не покинет меня, так как нуждается во мне и не способен/на жить самостоятельно и не-

зависимо. Вероятность формирования отношений с аддиктами значительно увеличивается, если воспитание проходило в аддиктивной семье, так как возникает феномен переноса на выбранный объект родительских аддиктивных признаков, которые воспринимаются как что-то знакомое, ностальгически привлекательное. Отрицательные детские переживания при этом вытесняются, а чувство знакомости оказывается доминирующим фактором.

Таким образом формируется явление созависимости, которое по существу представляет собой один из вариантов аддиктивного процесса. Созависимый человек является аддиктом отношений, так как имеет место аттачмент к сложной психосоциальной ситуации, ядром которой являются отношения с аддиктом. В этих отношениях созависимый человек во многом подчиняет свои интересы жизни аддикта, что включает взятие на себя ответственности за его состояние, контроль за предотвращением аддиктивных реализаций, контроль за наличием аддиктивного агента (вещества или процесса), аддиктивными знакомствами, нахождением в определенных местах, ситуациями риска. Реализация такого тотального контроля захватывает всю созависимую личность, требует постоянной затраты времени и энергии. Она включает чувство ответственности за все происходящее с аддиктом.

Поскольку в реальности такой контроль на длительную дистанцию не эффективен и неизбежно аддикт уходит из его зоны и реализует аддиктивные желания, у созависимого возникает чувство вины, что расматривается им как следствие собственной неполноценности. Вина, в свою очередь, усиливает комплекс низкой самооценки и является важным звеном в сформировавшемся порочном круге созависимо-аддиктивных отношений.

Отдельные формы аддиктивного поведения обычно описываются в ракурсе характерных для них специфик: алкогольной, работогольной, пищевой и др. При этом из поля зрения практически выпадает основное звено, которое, наряду с общими аддиктивными механизмами, присутствует при каждой из исследуемых форм. Этим звеном является аддикция отношений. Аддикция отношений является важнейшей формой аддикции, которая не только присутствует при каждой специфической аддикции, но и является, очевидно, базисной структурой, определяющей формирование, развитие и исход различных химических и процессуальных аддикций.

Аддикция отношений описывается в литературе, как правило, в рамках созависимости, выступающей по отношению к различным аддикциям (созависимо-аддиктивные отношения). Исследования аддиктивного радикала отношений в структуре конкретных аддикций практически до сих пор не проводилось. Исключение представляет описание алкогольной аддикции в виде эта-формы [9], в которой устанавливалось значение аддикции отношений как ведущего звена, приводящего вторично к развитию алкогольной зависимости. Данное описание ограничивалась констатацией факта смешанной формы аддиктивного процесса (аддикция отношений и алкогольная аддикция). Не проводился специальный анализ особенностей аддикции отношений при данной форме алкоголизма с психологической зависимостью от алкоголя.

Аддикцию отношений мы наблюдали у 54 женщин. 28 женщин этой группы имели также эту форму алкоголизма, где психологическая зависимость от алкоголя маскировалась психологической зависимостью от специфического общения в группе. Аддикция отношений у наблюдаемых женщин сформировалась до развития алкогольной зависимости. У оставшихся 26 женщин зависимость от отношений выступала как самостоятельная аддикция.

В 24 случаях наблюдались стабильные отношения с одной или несколькими персонами (лучшие подруги) в течение ряда лет. В остальных случаях (30 человек) женщины были фиксированы не столько на отношениях с конкретным человеком или конкретной группой людей, сколько на отношениях как таковых, поэтому объект аддикции не был постоянным, женщины меняли подруг и компании, находясь в поиске более совершенных близких отношений.

В постмодернистском обществе семья, в силу большой занятости ее членов вне семьи (работа, учеба, занятость в общественных, социальных, политических организациях), чаще не дает ощущения доверия, безопасности, надежности и интимности. В свою очередь, работа требует большой включенности с большими затратами психической и физической энергии, необходимостью превзойти саму себя, чтобы сделать карьеру или соответствовать потребностям организации. Выраженная интенсивность работы сочетается с безличностным автоматизированным характером отношений, лишенных глубинных переживаний. Подбор сотрудников нередко происходит по принципу: «Мне не важно, какой она человек, важно, чтобы она безукоризненно выполняла работу». В этой ситуации человек реализует свою внутреннюю потребность в

близких отношениях через развитие болезненного пристрастия к поиску и сохранению этих отношений. Аддиктивные отношения отличаются от здоровых отношений. Они возникают на фоне низкой самооценки, размытых границ собственного «Я». Для наблюдаемых нами женщин с аддикцией отношений были характерны потребность в подтверждении извне своей значимости, отсутствие доверия к своим собственным чувствам и оценкам, боязнь оказаться покинутыми и желание участвовать во всем том, что важно и приятно объекту их привязанности. Наблюдались преувеличенная забота, желание сделать себя незаменимой, что способствовало повышению самооценки и давало ощущение собственной значимости. В ряде случаев активная помощь была связана с желанием контролировать объект аддиктивных отношений. Употребление алкоголя встраивалось в ритуал общения, облегчало взаимодействие участниц компании за счет его растормаживающего действия, снятия запрета, стимулирования фантазии, субъективного ощущения прилива энергии, ускорения мышления. Таким образом, аддикция отношений представляла собой бегство от неустраивающего реального мира и неприятия самого себя в этом мире в мир псевдообщения, с использованием алкоголя как средства, облегчающего этот процесс.

Дальнейшее развитие аддиктологии, значительное расширение спектра процессуальных форм аддиктивных расстройств делает актуальными исследования в этом направлении, так как эффективное воздействие на аддиктивное звено отношений может открыть новые перспективы профилактики и лечения не только процессуальных, но и химических аддикций.

Литература

1. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск: Олсиб, 2001. 251 с.
2. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2009. 246 с.
3. Beck U. Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp Verlag, 2000. 392 S.
4. Gellner E. Bedingungen der Freiheit. Die Zivilgesellschaft und ihre Rivalen. Stuttgart: Klett-Cotta, 1995. 235 S.
5. Honneth A. Objektbeziehungstheorie und postmoderne Identität. Über das vermeintliche Veralten der Psychoanalyse // Psyche. 2000. Jg. 11 (Nov.). S. 1087–1109.
6. Hornsby J. Disempowered Speech // Philosophical Topics. 1995. Vol. 23 (2). 127–147.
7. Keupp H. Psychosoziale Praxis im Gesellschaftlichen Umbruch. Bonn: Psychiatrie-Verlag, 1987. 357 S.
8. Keupp H. Der Mensch als soziales Wesen: Sozialpsychologisches Denken im 20. Jahrhundert. München: Piper, 1995. 378 S.
9. Korolenko C., Dikovskiy A. The clinical classification of alcoholism // Anali zavoda za mentalno zdravlje. Beograd. 1972. Vol. 1. P. 5–10.
10. Korolenko Ts. Postpsychiatry in the Russian North // Circumpolar Health Supplements. Yellowknife. 2010. Vol. 7. P. 444–448.
11. Ross J. The Male Paradox. New York: Simon and Schuster, 1992. 350 p.

Сведения об авторах

Короленко Цезарь Петрович — действительный член Нью-Йоркской Академии Наук, заслуженный деятель науки РФ, член ВОЗ по секции транскультуральной психиатрии, член редакции журнала «Антропология и медицина» (Лондон), д. м. н., профессор кафедры психиатрии, наркологии и психотерапии Новосибирского государственного медицинского университета

Шпикс Татьяна Александровна — к. м. н., доцент кафедры психиатрии, наркологии и психотерапии Новосибирского государственного медицинского университета. E-mail: tshpiks@yandex.ru